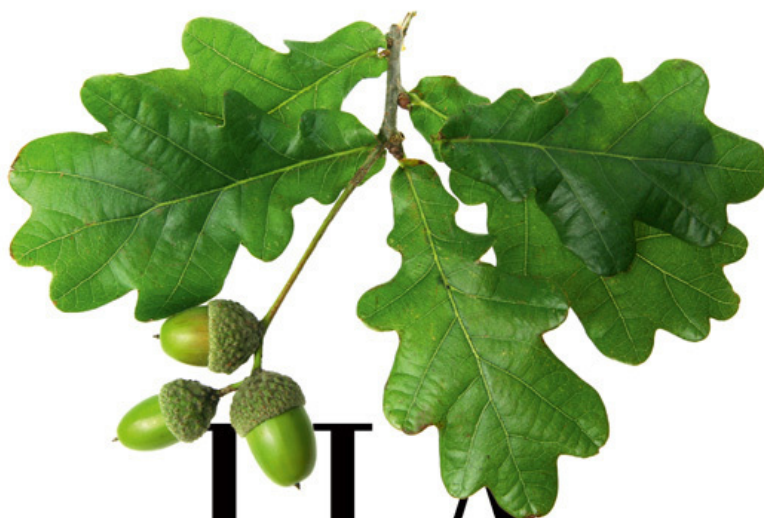

Роман Кржнарник

НА 100 ЛЕТ ВПЕРЕД

Искусство долгосрочного мышления,
или Как человечество
разучилось думать о будущем

Роман Кржнарик

**На 100 лет вперед. Искусство
долгосрочного мышления,
или Как человечество
разучилось думать о будущем**

«Альпина Диджитал»

2020

Кржнарник Р.

На 100 лет вперед. Искусство долгосрочного мышления, или Как человечество разучилось думать о будущем / Р. Кржнарник — «Альпина Диджитал», 2020

ISBN 978-5-96-148308-6

Мы живем в эпоху сиюминутных потребностей и краткосрочного мышления. Глобальные корпорации готовы на все, чтобы удовлетворить растущие запросы акционеров, природные ресурсы расходуются с невиданной быстротой, а политики обсуждают применение ядерного оружия. А что останется нашим потомкам? Не абстрактным будущим поколениям, а нашим внукам и правнукам? Оставим ли мы им безопасный, удобный мир или безжизненное пепелище? В своей книге философ и социолог Роман Кржнарник объясняет, как добиться, чтобы будущие поколения могли считать нас хорошими предками, установить личную эмпатическую связь с людьми, с которыми нам, возможно, не суждено встретиться и чью жизнь мы едва ли можем себе представить. Он предлагает шесть концептуальных и практических способов развития долгосрочного мышления, составляющих основу для создания нового, более осознанного миропорядка, который открывает путь культуре дальних временных горизонтов и ответственности за будущее. И хотя вряд ли читатель сможет повлиять на судьбу всего человечества, но вклад в хорошее будущее для наших потомков может сделать каждый. «Политики разучились видеть дальше ближайших выборов, опроса общественного мнения или даже твита. Компании стали рабами квартальных отчетов и жертвами непрекращающегося давления со стороны акционеров, которых не интересует ничего, кроме роста капитализации. Спекулятивные рынки под управлением миллисекундных алгоритмов надуваются и лопаются, словно мыльные пузыри. За столом глобальных переговоров каждая нация отстаивает собственные интересы, в то время как планета горит, а темпы исчезновения с лица Земли биологических видов возрастают. Культура мгновенного результата заставляет нас увлекаться фастфудом, обмениваться

короткими текстовыми сообщениями и жать на кнопку «Купить сейчас». «Великий парадокс нынешнего времени, – пишет антрополог Мэри Кэтрин Бейтсон, – заключается в том, что на фоне роста продолжительности человеческой жизни наши мысли стали заметно короче». «Смартфоны, по сути, стали новой, продвинутой версией фабричных часов, забрав у нас время, которым мы распоряжались сами, и предложив взамен непрерывный поток развлекательной информации, рекламы и сфабрикованных новостей. Вся индустрия цифрового отвлечения построена на том, чтобы как можно хитрее подобраться к древнему животному мозгу пользователя: мы наостраем уши, заслышав звук оповещения мессенджера, наше внимание переключается на видео, мелькнувшее на периферии экрана, поскольку оно порождает чувство предвкушения, запускающее дофаминовый цикл. Соцсети – это Павлов, а мы, соответственно, – собаки». Для кого Для все тех, кому небезразлично, что останется после нас.

ISBN 978-5-96-148308-6

© Кржнарник Р., 2020

© Альпина Диджитал, 2020

Содержание

Рекомендуем книги по теме	7
Предисловие	11
Часть I	12
1	12
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Роман Кржнарик

На 100 лет вперед: Искусство долгосрочного мышления, или Как человечество разучилось думать о будущем

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или Facebook, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.

Переводчик *Михаил Белоголовский*

Редактор *Вячеслав Ионов*

Главный редактор *С. Турко*

Руководитель проекта *А. Деркач*

Корректоры *Т. Редькина, Е. Чудинова*

Верстка *А. Абрамов*

Художественное оформление и макет *Ю. Буга*

© Roman Krznaric, 2020

First published as THE GOOD ANCESTOR in 2020 by WH Allen, an imprint of Ebury Publishing. Ebury Publishing is part of the Penguin Random House group of companies

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Альпина Паблишер», 2023

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

* * *

Рекомендуем книги по теме

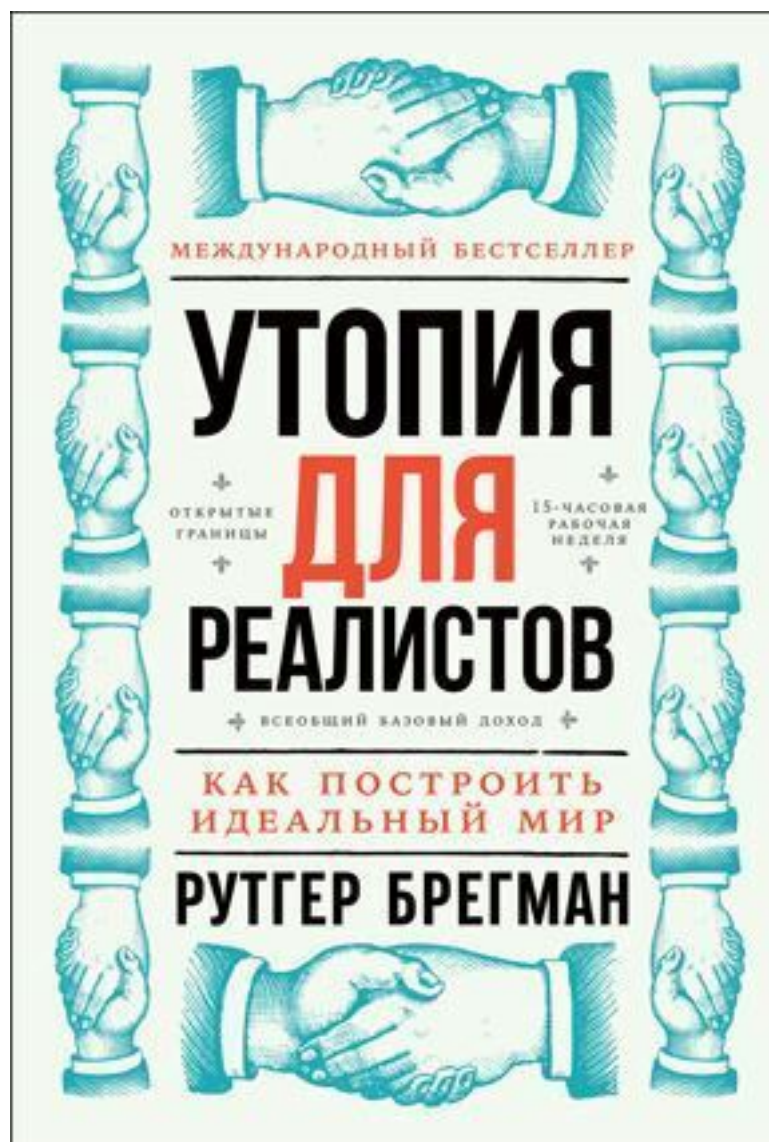

[Мир после нас: Как не дать планете погибнуть](#)
Майя Гёпель

Будущее разума
Митио Каку

Утопия для реалистов: Как построить идеальный мир
Рутгер Брегман

Форма жизни № 4: Как остаться человеком в эпоху расцвета искусственного интеллекта

Евгений Черешнев

Главный вопрос, который нам стоит задать себе:

«Хорошие ли мы предки?»

Джонас Солк

сейчас 3:23

а я не могу уснуть

потому что мои прапраправнуки

спрашивают меня во сне

а что делал ты, когда рушился мир?

Дрю Деллинджер

Предисловие

Пандемия коронавируса COVID-19 поразила наш мир как раз в тот момент, когда эта книга готовилась к публикации. По понятным причинам внимание человечества переключилось на то, что происходит здесь и сейчас: семьи, сообщества, организации и правительства сосредоточились на безотлагательных мерах, чтобы остановить кризис. Казалось бы, в чем польза долгосрочного мышления, когда беда уже пришла?

Очевидно, что страны, которые заранее озаботились подготовкой к возможным пандемиям, пока более эффективно борются с коронавирусом: если на Тайване после вспышки атипичной пневмонии в 2003 г. были созданы механизмы оперативного тестирования и отслеживания вирусов, то в США в 2018 г., напротив, подразделение Совета национальной безопасности по пандемии было попросту расформировано. Пандемия явилась суровым напоминанием о том, что мы должны думать, планировать и составлять бюджеты с учетом рисков, просматривающихся лишь на горизонте, таких как климатический кризис и бесконтрольные разработки в сфере высоких технологий.

Понятно, что последствия пандемии коронавируса для человечества будут носить долгосрочный характер и заявлять о себе еще не одно десятилетие. Некоторые правительства могут попытаться сохранить чрезвычайные полномочия, которыми сами себя наделили, например усиленный контроль над гражданами, и, таким образом, подорвать возможности демократического развития. В то же время разрушительные последствия пандемии могут расчистить пространство для фундаментального переосмысления политики, экономики и образа жизни. Подобно тому, как из пепла Второй мировой войны возникли долгосрочные новаторские институты – государства всеобщего благосостояния, Всемирная организация здравоохранения и т. п., – коронавирус способен усилить наше долгосрочное мышление, необходимое для того, чтобы справиться с недалековидностью и повысить устойчивость перед лицом неопределенного будущего.

Только мудрый выбор в пользу перспективы в это кризисное время позволит нам стать хорошими предками, которых заслуживают будущие поколения.

Оксфорд, март 2020 г.

Часть I

Перетягивание каната времени

1

Как нам стать хорошими предками?

Мы – наследники даров прошлого. Только представьте себе, сколько всего нам оставили предки, те, кто 10 000 лет назад в Месопотамии сеял первые семена, кто расчищал земли, строил каналы, закладывал города, в которых мы живем, кто совершал научные открытия, выигрывал политические баталии и создавал величайшие произведения искусства, доставшиеся нам. Мы редко задумываемся о том, насколько преобразили этот мир жившие здесь до нас люди. За редким исключением их имена стали пеплом истории. Но имя Джонаса Солка мы еще помним.

В 1955 г. после 10 лет кропотливых экспериментов Солк и его команда разработали первую в мире эффективную и безопасную вакцину от полиомиелита. Это был настоящий прорыв. В то время полиомиелит убивал или оставлял парализованными более полумиллиона человек ежегодно. Весть об открытии Солка сразу принесла ему славу чудотворца. Но ни слава, ни богатство его не интересовали – он отказался патентовать вакцину. Все помыслы этого ученого были направлены на то, чтобы «помочь человечеству» сделать что-то действительно ценное для будущих поколений. И ему это удалось.

Свою жизненную философию Солк сформулировал в виде одного-единственного вопроса: «Хорошие ли мы предки?»¹. Он был уверен, что, унаследовав так много от прошлого, мы обязаны приумножить это наследие и передать его потомкам. Сделать это, по мысли Солка, – то есть противостоять глобальным кризисам, таким как уничтожение природы и угроза ядерной войны, – можно, лишь радикально сдвинув горизонты нашего мышления в сторону долгосрочной перспективы, выходящей за рамки отпущенного нам срока. Вместо того чтобы мыслить секундами, днями и месяцами, мы должны охватывать десятилетия, века и тысячелетия. Только так можно выполнить наши обязательства перед грядущими поколениями и проявить к ним неподдельное уважение.

Вопрос, поставленный Солком, является, пожалуй, даже бóльшим его вкладом в историю, чем создание вакцины. Если придать ему более активную форму, а именно «*Как нам стать хорошими предками?*», то, на мой взгляд, он становится ключевым вопросом эпохи – хотя бы уже потому, что вселяет надежду на продолжение нашей эволюции. Этот вопрос послужил не только источником вдохновения, побудившего меня написать эту книгу, – он незримо присутствует на каждой ее странице и заставляет задуматься о том, что скажут о нас будущие поколения, какое наследие мы им оставим: прекрасный и дружелюбный мир или что-то ужас-

---

¹ Впервые Солк высказал идею «хорошего предка» в 1977 г. (Jonas Salk, «Are We Being Good Ancestors?», Acceptance Speech for the Jawaharlal Nehru Award for International Understanding, *New Delhi*, 10 January 1977. Перепечатано в: *World Affairs: The Journal of International Issues*, Vol. 1, No. 2 (December 1992)). Среди людей, которых вдохновила эта идея, уходящая корнями в культуру коренных народов, экологический активист Дэвид Судзуки, культуролог Льюис Хайд, активистка из Дакоты Вайнона Ладюк, футурологи Бина Венкатараман и Ари Уоллах, активистка движения за расовую справедливость Лейла Саад, дизайнер Алан Купер, мыслитель Джеймс Керр, писатель-натуралист Роберт Макфарлейн, ИТ-стратег Тайлер Эмерсон. О философии долгосрочного мышления Солка см.: Jonas Salk, *Anatomy of Reality: Merging of Intuition and Reason* (Columbia University Press, 1983), p. 8, p. 12, p. 105, p. 109, pp. 114–118, pp. 122–123; Jonathan Salk, 'Planetary Health: A New Perspective', *Challenges*, Vol. 10, No. 7 (2019): p. 5; Jonas Salk, Jonathan Salk, *A New Reality: Human Evolution for a Sustainable Future* by (City Point Press, 2018).

ное. Сегодня уже недостаточно быть просто добрыми самаритянами. Время бросает нам вызов: сможем ли мы стать хорошими предками? Новое тысячелетие требует обновления подхода.

Колонизация будущего

Стать хорошими предками – задача не из легких. Наши шансы на успех определяются исходом борьбы, которая происходит в глобальном масштабе прямо сейчас. Это борьба за наш разум между двумя могущественными силами: краткосрочным и долгосрочным типами мышления.

Какая из этих сил доминирует в настоящий момент, не вызывает сомнений: мы живем в эпоху патологической недальновидности. Политики разучились видеть дальше ближайших выборов, опроса общественного мнения или даже твита. Компании стали рабами квартальных отчетов и жертвами непрекращающегося давления со стороны акционеров, которых не интересует ничего, кроме роста капитализации. Спекулятивные рынки под управлением миллисекундных алгоритмов надуваются и лопаются, словно мыльные пузыри. За столом глобальных переговоров каждая нация отстаивает собственные интересы, в то время как планета горит, а темпы исчезновения с лица земли биологических видов возрастают. Культура мгновенного результата заставляет нас увлекаться фастфудом, обмениваться короткими текстовыми сообщениями и жать на кнопку «Купить сейчас». «Великий парадокс нынешнего времени, – пишет антрополог Мэри Кэтрин Бейтсон, – заключается в том, что на фоне роста продолжительности человеческой жизни наши мысли стали заметно короче»². Воистину мы живем в век тирании сиюминутности.

Краткосрочное мышление – явление далеко не новое. История изобилует примерами: достаточно вспомнить безрассудное уничтожение Японией своих лесов в XVII в. или оголтелые спекуляции, которые в 1929 г. привели к краху Уолл-стрит. Само по себе краткосрочное мышление не является чем-то негативным. Точно так же, как родители бросают все дела, если нужно срочно доставить больного ребенка в больницу, правительства должны оперативно реагировать на землетрясения, эпидемии или иные кризисы. Но попробуйте взглянуть с точки зрения временных горизонтов мышления на ежедневные новости, и вы увидите, насколько пагубно влияние краткосрочного подхода³. Правительства по-быстрому упекают преступников за решетку, вместо того чтобы устранять социально-экономические причины преступности; субсидируют угольную промышленность, препятствуя переходу на возобновляемые источники энергии; спасают неплатежеспособные банки после краха вместо реструктуризации финансовой системы; инвестируют во что угодно, только не в профилактику заболеваний, проблемы бедности или жилищное строительство. Этот список можно продолжать и продолжать.

Угрозы, которые несет в себе краткосрочный подход, простираются далеко за рамки государственной политики, и сейчас мы вплотную подошли к критической отметке. Это связано с растущими экзистенциальными рисками, под которыми понимаются маловероятные, но крайне разрушительные события, связанные с новейшими технологиями. Первое место в рейтинге таких рисков занимают угрозы со стороны систем искусственного интеллекта, например автономного оружия, почти не контролируемого людьми. К подобным рискам относятся и искусственно созданная пандемия, и ядерная война, спровоцированная государством-изгоем в эпоху нарастающей геополитической нестабильности. Специалист по рискам Ник Бостром, в частности, обеспокоен развитием молекулярных нанотехнологий и опасается сценария, при

---

² Mary Catherine Bateson, *Composing a Future Life: The Age of Active Wisdom* (Vintage, 2011), p. 22.

³ См. Simon Caney, 'Democratic Reform, Intergenerational Justice and the Challenges of the Long-Term', Centre for the Understanding of Sustainability Prosperity, University of Surrey (2019), p. 4, о концепции «пагубного краткосрочного подхода». Для всестороннего анализа краткосрочности в политике см.: Jonathan Boston, *Governing the Future: Designing Democratic Institutions for a Better Tomorrow* (Emerald, 2017).

котором террористы завладеют самореплицирующимися наноботами размером с бактерию, не смогут их контролировать, и в результате атмосфера планеты станет непригодной для жизни. Перед лицом таких угроз многие эксперты по экзистенциальному риску сходятся во мнении, что с вероятностью примерно один к шести в течение этого века человечество ждет катастрофа с колоссальным числом жертв⁴.

Не менее реальны и другие риски, связанные с упадком цивилизации из-за разрушения экосистем, от которых зависит не только наше благополучие, но и сама жизнь. По мере того как мы бездумно выкачиваем из недр топливо, отравляем океаны и уничтожаем виды со скоростью, позволившей биологам говорить о начале «шестого вымирания»⁵, разрушительные перспективы становятся все ближе. В нашу эпоху глобальных сетей эта угроза осознается уже в мировом масштабе: у нас нет плана Б, а точнее, планеты Б, на которую можно было бы бежать. По словам историка экологии Джареда Даймонда, такое уничтожение природы лежало в основе цивилизационных коллапсов на протяжении всего существования человечества, а их первопричиной оказывался приоритет «краткосрочных решений» над «дальновидностью, требующей бесстрашия»⁶. Что ж, нас предостерегали.

Эти проблемы ставят нас перед неминуемым парадоксом: потребность в долгосрочном мышлении оказывается вопросом крайней необходимости, требующим немедленных действий. «Прямо сейчас мы сталкиваемся с техногенной катастрофой глобального масштаба – с изменением климата, ставшим для нас самой большой угрозой за тысячи лет, – сказал Дэвид Аттенборо мировым лидерам на Конференции ООН по климату в 2018 г. – Если мы не примем меры, крах наших цивилизаций и исчезновение большей части всего живого уже не за горами». По его словам, «то, что происходит сейчас и случится в ближайшие несколько лет, будет сказываться на протяжении тысячелетий»⁷.

Такие заявления должны срабатывать как сигнал тревоги, но этого не происходит, поскольку зачастую в них прямо не говорят, кому предстоит стать жертвами нашей недальновидности. Правда заключается в том, что пожирать эти горькие плоды будут не только наши дети и внуки, но и миллиарды людей, которые родятся в ближайшие столетия. По численности они намного превосходят нас, живущих сегодня.

Настал момент признать тревожную истину: мы колонизировали будущее. И в первую очередь это касается жителей наиболее богатых стран. Мы относимся к будущему как к некоему отдаленному и безлюдному колониальному аванпосту, на который можно спокойно переложить деградацию окружающей среды, техногенные риски и проблему ядерных отходов. Когда в XVIII–XIX вв. Великобритания колонизировала Австралию, она опиралась на правовую доктрину, известную как *terra nullius* – «ничейная земля», – чтобы оправдать свое завоевание и обращаться с коренным населением так, словно его не существует или оно не имеет осно-

---

⁴ Эксперт по экзистенциальным рискам из Оксфордского университета и философ Тоби Орд считает, что вероятность этого риска составляет один к шести (при этом наибольшая угроза исходит от ИИ), в то время как по результатам опроса, проведенного университетским Институтом будущего человечества, этот показатель составил 19 %, что несколько выше (Toby Ord, *The Precipice* (Bloomsbury, 2020), p. 167); <https://thebulletin.org/2016/09/how-likely-is-an-existential-catastrophe/>). Когда я попросил оценить риск исследователя экзистенциальных рисков Андерса Сандберга, он ответил, что вероятность того, что мы обречены, составляет всего 12 % (выступление в The Hub, Оксфорд, 21 мая 2018 г.). Измерение экзистенциального риска, несомненно, не может быть точным и содержит элементы спекуляций. Об опасениях Ника Бострома по поводу нанотехнологий см.: <https://www.nickbostrom.com/existential/risks.html>.

⁵ Шестое, или голоценовое, вымирание – одно из наиболее значительных массовых вымираний видов животных и растений в истории Земли, происходящее в настоящее время в результате деятельности человека, прямого истребления, конкуренции с завезенными чужеродными видами и других антропогенных причин. – *Прим. пер.*

⁶ <https://www.theguardian.com/society/2005/jan/13/environment.science>; Jared Diamond, *Collaps: How Societies Choose to Fail or Survive* (Penguin, 2011), p. 522. Также см.: Will Steffen and Johan Rockström et al., 'Trajectories of the Earth System in the Anthropocene', *PNAS*, Vol. 115, No. 33 (2019).

⁷ Цитаты из выступления Аттенборо на переговорах ООН по климату COP24 в Польше 3 декабря 2019 г. и из его телепрограммы на канале BBC «Изменение климата: Факты», вышедшей в эфир 18 мая 2019 г.

ваний претендовать на собственную территорию⁸. Сегодня наше общество занимает позицию *tempus nullius*: будущее воспринимается как «ничейное время», как некая никем не востребованная территория, лишенная жителей. Подобно окраинному царству империи, оно целиком принадлежит нам. Точно так же, как коренные австралийцы боролись и до сих пор борются с последствиями *terra nullius*, нашим потомкам предстоит борьба с последствиями этой доктрины.

Однако трагедия состоит в том, что грядущие поколения никак не могут повлиять на эту грабительскую колонизацию. Они не могут броситься, подобно суфражистке, под копыта королевской лошади, не могут заблокировать мост, как борцы за гражданские права в Алабаме, или устроить «соляной поход», чтобы бросить вызов угнетателям, как это сделал Махатма Ганди. У наших потомков нет политических прав и представительства в настоящем, они не могут повлиять на содержимое избирательных урн или рынок. Гигантское немое большинство еще не родившихся поколений абсолютно бессильно против настоящего и, по сути, вычеркнуто из нашего мыслительного процесса.

Чрезвычайная потребность в концепции долгосрочного мышления

Впрочем, это еще не конец человечества. Мы находимся в той точке истории, которая может стать поворотной: именно сейчас разнородные силы объединяются в глобальное движение против тяжелой зависимости от настоящего, возвещающее новую эру долгосрочного мышления.

Сторонниками этого движения становятся дизайнеры городской среды, климатологи, врачи, руководители компаний технологического сектора и многие другие – все, кто уже начал осознавать, что причиной большинства сегодняшних кризисов, в числе которых угроза коллапса планетарной экосистемы, риски автоматизации, массовая глобальная миграция, увеличение имущественного неравенства, является узость краткосрочного подхода, и противоядием может быть только переход к долгосрочному мышлению. Бывший вице-президент США и лауреат Нобелевской премии мира Эл Гор утверждает, что «органы государственной власти подчинены корыстным интересам и одержимы краткосрочной выгодой, а вовсе не долгосрочной устойчивостью». Астрофизик Мартин Рис обеспокоен «слишком коротким планированием, слишком близкими горизонтами, слишком скудной осведомленностью о долгосрочных рисках» и предлагает поучиться разработке долгосрочной политики у Китая⁹. Бывший вице-президент Facebook Чамат Палихапития признает, что созданная социальными сетями «краткосрочная обратная связь, подпитываемая дофамином, разрушает функционирование общества», а главный экономист Банка Англии открыто критикует «нарастающую волну близорукости» на рынках капитала и в корпоративном поведении¹⁰. В то же время все отчетливее проявляется международный консенсус в отношении того, что жизнь людей будущего не должна отодвигаться на второй план в текущих этических дискуссиях и политических реше-

---

⁸ Мое использование термина *terra nullius* основано на работе историка земельного права коренных народов Австралии Генри Рейнольдса: <https://www.themonthly.com.au/books-henry-reynolds-new-historical-landscape-responce-michael-connor039s-039the-invention-terra-nul>. Идея будущего как колонизированной территории, насколько мне известно, впервые появилась в новаторской работе австрийского футуролога Роберта Юнга (Robert Jungk, *Tomorrow is Already Here: Scenes from a Man-Made World* (Rupert Hart-Davis, 1954), pp. 16–19). В более явном виде метафора появляется в работах исследователя и визионера Джима Дейтора (Jim Dator, 'Decolonizing the Future', in Andrew Spekke (ed.), *The Next 25 Years: Challenges and Opportunities* (World Future Society, 1975)) и социолога Барбары Адам (Barbara Adam, *Time* (Polity Press, 2004), pp. 136–143).

⁹ Martin Rees, *On the Future: Prospects for Humanity* (Princeton University Press, 2018), pp. 226–227. Комментарии Мартина Риса о Китае были сделаны на презентации его последней книги «О будущем» (*On the Future*) в книжном магазине Blackwell's в Оксфорде, 5 ноября 2018 г.

¹⁰ 'The Short Long', речь Энди Холдейна, Брюссель, май 2011 г. <https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/speech/2011/the-short-long-speech-by-andrew-haldane>.

ниях. За последние 25 лет более 200 резолюций ООН так или иначе упоминали благополучие «будущих поколений», а папа Франциск провозгласил, что «межпоколенческая солидарность является не факультативным, а основополагающим вопросом справедливости»¹¹.

Это растущее в обществе осознание важности долгосрочного мышления как цивилизационного приоритета беспрецедентно. Однако куда сильнее красивых слов впечатляет поток проектов и инициатив, направленных на то, чтобы превратить эти слова в реальность. Всемирное хранилище семян на Шпицбергене, построенное в скалах в отдаленной части Арктики, обеспечит сохранность миллионов семян более 6000 видов растений в течение как минимум тысячелетия. Появились новые должности и структуры, такие как комиссар по вопросам будущих поколений в Уэльсе и Министерство по делам кабинета министров и будущего в ОАЭ. Эти перемены происходят на фоне активности молодежи, такой как школьная экологическая инициатива Plant-for-the-Planet, запущенная в 2007 г. девятилетним немецким мальчиком Феликсом Финкбайнером, в рамках которой уже посажены десятки миллионов деревьев в 130 странах. В области искусства можно упомянуть композицию Longplayer музыканта Джема Файнера, которая начала звучать в полночь 31 декабря 1999 г. на лондонском маяке и будет звучать без повторов целое тысячелетие.

Похоже, долгосрочное мышление набирает обороты, но происходит это с большим трудом. Хотя его уже взяли на вооружение научные и творческие сообщества, а также некоторые наиболее дальновидные бизнесмены и политические деятели, оно все еще остается на периферии общественного внимания, причем это касается как Северной Америки с Европой, так и стран с развивающейся экономикой. Долгосрочному мышлению еще не удалось укорениться в структуре современного менталитета, который по-прежнему ограничен смирительной рубашкой краткосрочности.

Более того, поразительно неразвита сама концепция долгосрочного мышления. Мне довелось быть участником множества дискуссий, где оно предлагалось в качестве решения планетарных проблем, но при этом никто не мог толком объяснить, что же это такое. Если ввести фразу long-term thinking в строку запроса интернет-поисковика, то вы получите почти миллион ссылок, однако нигде не найдете четкой формулировки того, что она означает, как работает, какие временные горизонты подразумевает и какие шаги нужно предпринять, чтобы сделать долгосрочное мышление нормой. Хотя Эл Гор и другие общественные деятели отстаивают его достоинства, оно все еще остается абстрактной, бесформенной панацеей без внятных принципов и программы. Этот смысловой вакуум представляет собой не что иное, как свидетельство чрезвычайной потребности в концепции долгосрочного мышления¹².

Если мы действительно хотим стать хорошими предками, то первоочередная задача – заполнить эту зияющую пустоту. Данная книга является именно такой попыткой, предлагая шесть концептуальных и практических способов культивирования долгосрочного мышления. Вместе они создают необходимый интеллектуальный инструментарий для борьбы с нашей одержимостью текущим моментом.

Я сосредоточился именно на этих шести способах, поскольку глубоко убежден, что идеи имеют решающее значение. Я согласен с Гербертом Уэллсом – наверное, самым влиятельным из футурологов – в том, что «человеческая история – это, по сути, история идей». Именно доминирующие идеи формируют направление развития общества, определяют, что реально, а что нет, что возможно, а что невозможно. Конечно, такие факторы, как экономические структуры, политические системы и технологии, играют жизненно важную роль, но при этом не

---

¹¹ 'Global Guardians: A Voice for the Future', Mary Robinson Foundation – Climate Justice Position Paper (April, 2017, p. 6); Pope Francis, «Laudato Si», Encyclical Letter of the Holy Father Francis, Vatican City, Rome (2015), p. 118, 178.

¹² Среди немногих исключений в этом интеллектуальном вакууме – концепция «долгого пути» Ари Уоллаха: <https://www.longpath.org/>. Спасибо Грэму Лестеру за «концепцию чрезвычайной ситуации»: <http://www.internationalfuturesforum.com/s/223>.

стоит недооценивать и силу идей. Вот лишь некоторые из идей, которые оказали на нас колоссальное влияние: то, что Земля является центром Вселенной; то, что в первую очередь нами движут корыстные интересы; то, что люди не являются частью природы; то, что мужчины превосходят женщин; то, что спасение – это Бог (капитализм, коммунизм). Не важно, как мы назовем эти идеи – мировоззрениями, ментальными структурами, парадигмами или установками, – все они определяли ход развития цивилизаций¹³. В нынешний исторический момент одной из господствующих идей является краткосрочное мышление, или вера в примат настоящего, и нам как можно скорее необходимо бросить ей вызов.

Музыкант и культуролог Брайан Ино осознал важность этого вопроса еще в 1970-х гг. и тогда же ввел понятие «долгое настоящее» (long now). Он обратил внимание на то, как много людей ограничиваются «кратким настоящим», в котором «настоящее» означает секунды, минуты или максимум несколько дней. Результатом этой культуры краткосрочности стало безразличие к будущим поколениям, которым пришлось столкнуться с массой новых угроз – от экологического коллапса до последствий гонки вооружений. «Наша эмпатия простирается во времени не слишком-то далеко вперед», – написал Ино. В качестве антидота он призывал расширить осознание настоящего на сотни и даже тысячи прошедших и будущих лет, что, в свою очередь, должно раздвинуть горизонты нашего нравственного зрения¹⁴. Эта книга предлагает основу для создания цивилизации «долгого настоящего» – цивилизации, которая преодолест колониальный менталитет порабощения будущих поколений настоящим.

Вот уже более десятилетия мои исследования и статьи на тему эмпатии сосредоточены на том, как в современном мире люди из разных социальных слоев могут разделять чувства и взгляды (это явление называется когнитивной или перспективной эмпатией). Но еще дольше меня занимает другая, куда более серьезная проблема: как установить личную эмпатическую связь с будущими поколениями, с людьми, с которыми нам не суждено встретиться и чью жизнь мы едва ли можем себе представить? Другими словами, как научиться сопереживать не только в пространстве, но и во времени? Эта книга посвящена исследованию данного вопроса. За три года работы над ней я пришел к выводу, что эмпатия – не единственный мост, который необходимо протянуть в будущее, чтобы усилить наше нравственное видение во времени. Не менее важную роль играют и другие, связанные между собой концепции, такие как межпоколенческая справедливость и отношение коренных народов к проблеме глобального управления. В результате получилась книга, представляющая собой междисциплинарное путешествие в диапазоне от этики и антропологии до новейших исследований в области нейробиологии, концептуального искусства и политологии. Проведенный анализ широкого спектра социальных, экономических и культурных аспектов по понятным причинам во многом ограничивается моим собственным социальным положением, поэтому местоимение «мы», встречающееся в тексте, в основном относится к экономически обеспеченным жителям западных промышленно развитых стран, известных также как глобальный Север.

Перетягивание каната времени

В XX в. национально-освободительную борьбу было принято вести с применением оружия. Межпоколенческая освободительная борьба XXI в. – это столкновение идей, принявшее форму титанического состязания за время. На одной стороне находятся шесть факторов краткосрочного мышления, которое ведет к краху цивилизации, на другой – шесть способов мыс-

---

¹³ Обзор этих теорий социальных изменений сделан в моем докладе «Как происходят изменения: Междисциплинарные перспективы человеческого развития» ('How Change Happens: Interdisciplinary Perspectives for Human Development', Oxfam Research Report (Oxfam, 2007)).

¹⁴ Brian Eno, 'The Big Here and Long Now', Long Now Foundation, San Francisco (2000).

лить долгосрочно, открывающих путь культуре дальних временных горизонтов и ответственности за будущее человечества.

Шесть способов развития долгосрочного мышления, подробно рассмотренные в части II книги, представляют собой набор фундаментальных взглядов, убеждений и идеалов, которые, по сути, являются базовыми когнитивными навыками хорошего предка. Они делятся на три кластера. *Представление* будущего основано на смирении перед глубоким временем и выработке трансцендентной цели для человечества. *Забота* о будущем требует философии наследия и чувства межпоколенческой справедливости. *Планирование* будущего за пределами нашей собственной жизни – это навык, вытекающий из соборного менталитета и холистического прогнозирования. Любой из этих кластеров, взятый отдельно, недостаточен для долгосрочного революционного преобразования человеческого разума. Но вместе – и при достижении критической массы практикующих их людей и организаций – их синергия способна открыть новую эру долгосрочного мышления.

Хотя факторы нашей неадаптивности, которые будут всплывать на протяжении всей книги, представляют серьезную силу, это еще не гарантирует им победы в перетягивании каната времени. Вопреки распространенному мнению долгосрочное мышление является одной из величайших способностей нашего вида, до сих пор остававшейся в тени. Мы думаем не только быстро и медленно, как это показал Дэниел Канеман, но также краткосрочно и долгосрочно. В наш мозг вшита способность думать и планировать далеко вперед. Эта способность сделала возможными многие грандиозные проекты: строительство лондонской канализации после Великого зловония 1858 г., программу государственных инвестиций «Новый курс» Франклина Рузвельта, самоотверженную борьбу против рабства и за права женщин и т. д. В дальнейшем мы убедимся, что именно этот секретный эволюционный ингредиент придает шести способам долгосрочного мышления потенциал и силу.

Каким образом переход к долгосрочному мышлению может вылиться в действия, меняющие контуры истории? Этот вопрос подробно рассмотрен в третьей части книги на примере историй первопроходцев – назовем их «повстанцами времени», – которые уже сейчас, вооружившись шестью способами думать на перспективу, ведут борьбу с повсеместной близорукостью современного мира. Среди них волонтеры движения «Школьная забастовка за климат», возглавляемого юной шведкой Гретой Тунберг, члены таких организаций, как британская «Сопrotивление вымиранию» (Extinction Rebellion) и американская «Доверие наших детей» (Our Children's Trust), участники радикального движения за регенеративную экономику, сторонники гражданских собраний от Испании до Японии и многие другие.

Перетягивание каната времени

Шесть факторов краткосрочного мышления

Тирания часов

ускорение времени, начиная со Средневековья

Цифровое помешательство

захват внимания технологиями

Политический презентизм

близорукая концентрация на ближайших выборах

Спекулятивный капитализм

волатильные финансовые рынки

Сетевая неопределенность

рост глобальных рисков и массовые психозы

Постоянный прогресс

погоня за бесконечным экономическим ростом

Графика: Найджел Хоутин

Шесть способов мыслить долгосрочно

Смирение перед глубинами времени

осознание того, что мы лишь краткий миг космической истории

Философия наследия

память благодарных потомков

Межпоколенческая справедливость

принятие во внимание интересов семи будущих поколений

Соборный менталитет*

планирование проектов, превышающих срок человеческой жизни

Холистическое прогнозирование

комплексное исследование путей развития цивилизации

Трансцендентная цель

стремление к всепланетному процветанию

* Выражение «соборный менталитет» (англ. cathedral thinking) в русской религиозной и философской традиции имеет значение, связанное с христианским мироощущением и культурной идентичностью. Здесь и далее автор понимает под этим термином особый менталитет, который был присущ строителям соборов, часто возводившихся на протяжении нескольких человеческих жизней и спланированных так, чтобы простоять много веков. — Прим. пер.

Им противостоят грозные оппоненты, в том числе те, что пытаются использовать долгосрочное мышление в корыстных целях. Особенно ярко это проявляется в финансовом секторе. Как однажды с гордостью заявил бывший глава инвестиционного банка Goldman Sachs

Гас Леви, «мы жадны, но жадны в долгосрочном, а не в краткосрочном плане»¹⁵. Более того, повстанцы времени уже столкнулись с суровой реальностью, обнаружив, что целый ряд фундаментальных принципов общественного устройства, от государств и представительной демократии до потребительской культуры и самого капитализма, больше не соответствуют эпохе, в которой мы живем. Казалось бы, эти концепции и институты были изобретены не так давно, несколько столетий назад, но по геологической временной шкале это было еще в голоцене – эпохе стабильного климата, длившейся около 12 000 лет, в течение которых человечество процветало, а планета могла в значительной степени справляться с экологическим эффектом материального прогресса, издержками и рисками новых технологий, а также напряжением, вызванным ростом населения. Но этот период позади: прямо сейчас мы переходим в антропоцен – новую эру, в которой человек создает нестабильную планетарную систему и угрозу экологической катастрофы¹⁶.

В некотором смысле это аналог проблемы QWERTY – раскладки наших неэффективных клавиатур, которая была разработана еще в 1860-х гг. с тем, чтобы разнести подальше наиболее часто используемые клавиши пишущей машинки и таким образом снизить частоту их заедания. Точно так же сегодня у нас полно общественных институтов, которые были созданы для решения проблем другой эпохи. Неизбежно напрашивается вывод: если мы хотим создать мир, пригодный для нынешнего и будущих поколений, нам необходимо глубоко переосмыслить и перестроить ключевые аспекты общества – то, как функционируют экономика и политика, то, как устроены наши города, – и привести их в соответствие с новыми ценностями и целями, чтобы обеспечить долгосрочное процветание человечества. И времени на это у нас совсем немного.

Существует ли идеальный временной горизонт, к которому мы должны стремиться в этой битве с недалековидностью? В качестве минимального порога долгосрочного мышления я предлагаю 100 лет: это соответствует потолку продолжительности человеческой жизни, позволяя выйти за рамки собственного «я», ограниченного смертью, и начать представлять будущее, на которое мы можем повлиять, но в котором нас уже не будет¹⁷. Столетие – это намного больше, чем принятые в корпорациях пяти- или десятилетние планы, и ближе по временному горизонту к таким мероприятиям, как посадка дуба, который вырастет уже после нашего ухода. Кроме того, можно опереться на опыт тех, кто обладает большей дальновидностью. У многих коренных народов горизонт важных решений составляет семь поколений, т. е. почти два столетия. Общественная некоммерческая организация Long Now Foundation в Калифорнии устанавливает еще более амбициозный временной горизонт – 10 000 лет – на том основании, что приблизительно столько лет назад, когда закончился последний ледниковый период, возникли первые цивилизации, а значит, будущее мы должны просматривать на такую же глубину¹⁸. В любом случае, не стоит бояться заглядывать далеко вперед. Когда вы будете пробовать мыслить долгосрочно, сделайте глубокий вдох и подумайте о том, что будет лет через 100 и более.

Перспектива радикальной надежды

Можем ли мы действительно совершить такой тектонический сдвиг парадигмы, когда долгосрочное мышление будет не только определять наши индивидуальные решения, но и про-

---

¹⁵ Charles D. Ellis, *The Partnership: The Making of Goldman Sachs* (Penguin, 2009), pp.177–180.

¹⁶ John Dryzek, 'Institutions for the Anthropocene: Governance in a Changing Earth System', *British Journal of Political Studies*, Vol. 46, No. 4 (2014): pp. 937–941.

¹⁷ Обзор временных фреймов будущего см. в статье Richard Slaughter, 'Long-Term Thinking and the Politics of Reconceptualization', *Futures*, Vol. 28, No. 1 (1996): pp. 75–86.

¹⁸ Stewart Brand, *The Clock of the Long Now: Time And Responsibility* (Phoenix, 1999), pp. 4–5.

никнет в самую ткань общественных институтов, экономических систем и культурной жизни? Литературный критик Терри Иглтон проводит различие между оптимизмом и надеждой¹⁹, предлагая рассматривать оптимизм как склонность видеть во всем светлую сторону, невзирая на факты. Такая позиция чревата самоуспокоенностью и пассивностью. Надежда же подразумевает более активную и даже радикальную позицию, допуская возможность неудачи, но концентрируясь при этом на успехе и глубокой приверженности результату, который по-настоящему ценен для нас.

Эта книга не об оптимизме, она о надежде. Существует реальная опасность того, что человечество так и не выйдет из тумана своей недалновидности, пока не разразится глобальный катаклизм, и менять курс в попытке избежать судьбы Римской империи или цивилизации майя будет слишком поздно. Но крах не является чем-то неизбежным, особенно если для достижения радикальных перемен люди начинают действовать сообща. Главный урок, который дает нам история, заключается в следующем: ничто не является неизбежным, пока не случится. Конец колониализма и рабства определенно вселяет надежду. Источником надежды служит и преобразующий потенциал шести способов долгосрочного мышления, и вдохновляющие истории повстанцев времени, которые решились противостоять краткосрочности. Необходимо признать, что будущие поколения вряд ли простят нам, если мы сдадимся сейчас, когда еще есть возможность изменить ход истории. Мы должны научиться прислушиваться к воображаемым голосам потомков, чтобы учитывать их интересы, принимая решения.

Путь хорошего предка для нас открыт. Следовать ему или нет – выбирать нам.

---

¹⁹ Terry Eagleton, *Hope Without Optimism* (Yale University Press, 2015), pp. 1–38.

2

О зефире и желудях

Как два типа мышления уживаются в одной голове

Представьте, что в руках у вас небольшие предметы, которые символизируют тип наших отношений со временем. В левой – мягкий розовый зефир, в правой – блестящий зеленый желудь.

Вместе они олицетворяют то противоречие, которое существует между дальним и близким временными горизонтами мышления. Человеческий мозг подходит для обоих типов мышления – краткосрочного и долгосрочного, – и между ними идет непрерывное перетягивание каната. Это противоречие присутствует во всех сферах жизни – от глубоко личной до общественно-политической. Промотать деньги на курорте или отложить их на пенсию? Кого из политиков поддержать: того, чья программа рассчитана на столетие вперед, или популиста, заботящегося исключительно о победе на ближайших выборах? Сделать сносшибательное селфи для соцсети или посадить дерево для потомков?

По сути, у каждого из нас в голове умещаются два типа мышления. Один – я называю его зефирным мышлением – заиклен на сиюминутных желаниях и вознаграждениях. Другой – желудевое мышление – позволяет нам предвидеть далекое будущее и работать над достижением долгосрочных целей. Взаимодействие между этими типами мышления – важная часть того, что делает нас людьми.

Определение «желудевое» применительно к мышлению отсылает нас к рассказу Жана Жионо «Человек, который сажал деревья». Это история о пастухе, который каждый день, приглядывая за овцами, делал посохом ямки в земле, бросал в них по желудю, и спустя десятилетия на этом месте зашумела дубрава. Несмотря на реальность подобных примеров и очевидность наших способностей к долгосрочному мышлению, доминирующий в сегодняшнем обществе нарратив апеллирует к нашей врожденной краткосрочности. В ходе исследований для этой книги, беседуя с психологами, экономистами, футурологами и государственными служащими, я систематически сталкивался с уверенностью, что по преимуществу нами движет желание немедленной награды и мгновенного удовольствия, а следовательно, надежды на то, что мы сможем ответить на долгосрочные вызовы нашего века, практически нет. Эссе Натаниэля Рича о нашей неспособности сделать что-то для противодействия климатическому кризису иллюстрирует эту точку зрения. «Люди, – пишет он, – в глобальных организациях, государственных структурах, отраслях промышленности, политических партиях или же индивидуально не способны пожертвовать имеющимся комфортом ради того, чтобы предотвратить наказание, которое понесут будущие поколения»²⁰.

Если мы надеемся стать хорошими предками, важно бросить вызов подобным убеждениям и признать, что мы можем мыслить долгосрочно. Это отправная точка для начала строительства общества, которое преодолит свою заикленность на настоящем. Способы мыслить в долгосрочной перспективе, рассматриваемые в этой книге, такие как соборный менталитет, холистическое прогнозирование или стремление к трансцендентной цели, основаны на нашей врожденной способности представлять и планировать будущее. Без нее мы бы никогда не перешли к сельскому хозяйству, не возвели соборы средневековой Европы, не создали системы

20

<https://www.nytimes.com/interactive/2018/08/01/magazine/climate-change-losing-earth.html?hp&action=click&pgtype=Homepage&clickSource=story-heading&module=photo-spot-region&region=top-news&WT.nav=top-news>. Взгляды Рича подверглись резкой критике со стороны Наоми Кляйн: <https://theintercept.com/2018/08/03/climate-change-new-york-times-magazine/>.

здравоохранения и не отправились в космос. И сегодня мы нуждаемся в этой способности больше, чем когда-либо.

В этой главе мы исследуем то, как работает желудочное мышление, как оно эволюционировало на протяжении двух миллионов лет, и покажем, что подвиги с далеким целевым горизонтом нам вполне по плечу, но начнем с другого – с разоблачения секретов его могучего соперника, зефирного мышления.

Как зефирное мышление управляет поведением человека

Мы сидим в оксфордской кофейне с нейробиологом Мортеном Крингельбахом, всемирно известным экспертом, изучающим центры удовольствия нашего мозга, и мне не терпится обсудить с ним способность человека к долгосрочному мышлению. Он заказывает брауни и, когда десерт приносят, ставит тарелку передо мной. Я отказываюсь, объясняя, что встал на путь здорового питания. Однако, бросив взгляд на лакомство, я с ужасом понимаю, что оно смотрит прямо на меня. Мы переглядываемся еще несколько минут, пока наконец я не отламываю кусочек, не в силах более противостоять своей шоколадной зависимости.

В человеческом мозге, говорит мне Мортен, есть система, которая заставляет нас искать удовольствия и вознаграждения, а также побуждает избегать боли. Многие из таких удовольствий играют положительную роль в нашей жизни, например ощущение солнечного тепла, успокаивающий эффект объятий или наслаждение, которое мы получаем от общения и бесед. Однако порой система удовольствий дает сбой и в ней начинают преобладать краткосрочные желания и импульсы, которые могут легко трансформироваться в пристрастия вроде зависимости от сахара или видеоигр. Мортен подчеркивает, что аддиктивных состояний, подобных моему пристрастию к шоколаду, стоит особо остерегаться, поскольку они чреваты недальновидностью и пагубными последствиями. Подобная импульсивность с признаками зависимости как раз указывает на зефирное мышление, названное мной так по причинам, которые станут ясны дальше.

Первое представление о том, как функционирует зефирное мышление, было получено в новаторском исследовании 1954 г. Ученые имплантировали электроды в гипоталамус крыс и подключали их к рычагу, с помощью которого крысы могли самостоятельно получать электрическую стимуляцию мозга. В результате наслаждение буквально поработило крыс, заставляя их жать на рычаг почти непрерывно – до 2000 раз в час – и забывать о таких жизненно важных вещах, как еда, вода и инстинкт размножения. Это исследование, воспроизведенное неоднократно, позволило предположить, что существуют определенные области мозга, связанные с аддиктивными желаниями, и что химическое вещество дофамин играет ключевую роль в процессе передачи нервных импульсов в них²¹. Нравится нам это или нет, но около 80 млн лет назад у людей с крысами были общие предки, поэтому не стоит удивляться тому, что более поздние исследования выявили аналогичные зоны и в человеческом мозге²².

Биологи-эволюционисты предполагают, что наша склонность к краткосрочным желаниям, удовольствиям и вознаграждениям развилась как механизм выживания в условиях дефицита пищи и повышенных рисков для жизни. Еще задолго до изобретения шоколадных десертов наш мозг обзавелся системами обработки информации, которые предписывали съесть все, что можно съесть, и убежать, как только в поле зрения появится хищник. Вот почему

---

²¹ Morten Kringelbach, *The Pleasure Centre: Trust Your Animal Instincts* (Oxford University Press, 2009), pp. 55–56; Kent Berridge and Morten Kringelbach, 'Affective Neuroscience of Pleasure: Reward in Humans and Animals', *Psychopharmacology*, Vol. 199, No. 3 (2008); Morten Kringelbach and Helen Phillips, *Emotion: Pleasure and Pain in the Brain* (Oxford University Press, 2014), pp. 124–131.

²² Maureen O'Leary et al., 'The Placental Mammal Ancestor and the Post-K-Pg Radiation of Placentals', *Science*, Vol. 339 No. 6,120 (2013); https://www.nytimes.com/2013/02/08/science/common-ancestor-of-mammals-plucked-from-obscurity.html?_r=1&...

мы не задумываясь наклоняемся над свежее испеченным пирогом, чтобы вдохнуть его аромат, и инстинктивно разворачиваемся, готовясь дать деру, если видим, что в нашу сторону мчится ротвейлер²³.

Если нам трудно противиться соблазну, будь то еда, наркотики или что-то еще, важно понимать, что это, скорее всего, включился наш древний аддиктивный мозг. Когда мы проводим пальцем по экрану смартфона, проверяя новые сообщения, то в некотором роде уподобляемся крысам, одержимо жмущим на рычаг, чтобы испытать мгновенные острые ощущения от выброса дофамина. Этот механизм был намеренно заложен в технологию социальных сетей. Точно так же, когда на вечеринке после пары бокалов мы не можем устоять и затягиваемся предложенной сигаретой, это не что иное, как зов древних предков. Но оправдывает ли это нас?

Фактически большую часть явлений, составляющих повседневную потребительскую культуру – от обжорства до давки покупателей на распродаже, – можно проследить до инстинктов, которые являются частью нашего эволюционного наследия. «Склонность к чрезмерному потреблению, – утверждает нейробиолог Питер Уайброу, – является пережитком того времени, когда индивидуальное выживание зависело от жесткой конкуренции за ресурсы... Мозг древнего человека, который мы унаследовали, развивался в условиях дефицита, управлялся привычками, ориентированными на краткосрочное выживание, и плохо приспособлен к изобилию современной материальной культуры»²⁴.

Люди часто удовлетворяют сиюминутные желания за счет своих долгосрочных интересов. Очевидный пример – курение, сюда же можно добавить пристрастие к жирной пище, которое ведет к сердечно-сосудистым заболеваниям, и отдых на Карибах вместо накоплений на черный день. Когда дело касается личных временных горизонтов, наши будущие «я» часто отходят на второй план перед лицом сиюминутных удовольствий. Как правило, мы предпочитаем меньшую, но быструю награду более крупной, но отдаленной. Это когнитивное искажение называется гиперболическим дисконтированием²⁵.

Одним из самых частых аргументов в пользу нашей тотальной импульсивности, нашего безусловного стремления к быстрому вознаграждению служит так называемый зефирный тест. В 1960-х гг. психолог из Стэнфорда Уолтер Мишел клал аппетитный зефир или подобное лакомство перед детьми в возрасте от четырех до шести лет. Мишел сообщал, что если они не съедят его в течение 15 минут, оставшись со сладостью один на один в комнате, то получают еще один зефир. Тот факт, что примерно две трети детей не смогли устоять и съели оставленный перед ними зефир, часто воспринимается как свидетельство нашей врожденной склонности к получению быстрых результатов.

Такая интерпретация «зефирного теста» как минимум неполноценна. Для начала стоит признать, что треть детей в эксперименте Мишела все же побороли искушение. Более того, повторные тесты показали, что способность откладывать удовольствие во многом зависит от контекста. Например, дети с большей вероятностью съедают зефир, если не верят, что исследователь вернется. Оказывает влияние и социальный статус: детям из более богатых семей легче противостоять соблазну. В то же время недоверие и нужда могут склонить нас к краткосрочности²⁶.

Однако – и это признают нейробиологи, включая Мортена Крингельбаха, – люди устроены несколько сложнее, чем крысы, жмущие на рычаг, и не являются похитителями сладо-

---

²³ John Ratey, *A User's Guide to the Brain* (Abacus, 2013), p. 115.

²⁴ Peter Whybrow, *The Well-Tuned Brain: A Remedy for a Manic Society* (Norton, 2016), p. 6; <http://www.zocalopublicsquare.org/2015/09/18/low-interest-rates-are-bad-for-your-brain/ideas/nexus/>.

²⁵ Whybrow, pp. 112–113.

²⁶ Walter Mischel, Yuichi Shoda and Monica Rodriguez, 'Delay of Gratification in Children', *Science*, Vol. 244, No. 4,907 (1989): pp. 933–998; <http://behavioralscientist.org/try-to-resist-misinterpreting-the-marshmallow-test/>; Kringelbach and Phillips, pp. 164–165; <http://theconversation.com/its-not-a-lack-of-self-control-that-keeps-people-poor-47734>.

стей по умолчанию. Древнее зефирное мышление сосуществует с более молодыми системами нашей нейроанатомии, которые позволяют думать и планировать в долгосрочной перспективе.

Познакомьтесь: желудевое мышление

Около 12 000 лет назад, в период раннего неолита, наш безымянный предок сделал нечто экстраординарное: вместо того, чтобы съесть найденное семя, он решил сохранить его и посадить следующей весной. Этот момент стал началом сельскохозяйственной революции, поворотной точкой в развитии человеческого разума и символом долгосрочного мышления.

Предусмотрительность, необходимая для того, чтобы сохранять семена и возделывать сельскохозяйственные культуры, а также умение воздержаться от употребления их в пищу в голодные зимние месяцы демонстрируют выдающуюся способность *Homo sapiens* мысленно переноситься из настоящего в будущее и осуществлять проекты с дальними временными горизонтами. Эта особенность отражается на нашей нейробиологической организации и заслуживает названия. Желудевое мышление есть у каждого, но как именно оно работает, откуда взялось и каковы его возможности?

Желудевое мышление стало предметом изучения нового направления в науке – перспективной психологии, которая утверждает, что людей делает людьми именно способность мыслить долгосрочно и «исследовать» будущее. Психолог Мартин Селигман так и называет нас – *Homo prospectus* (человек перспективный) и утверждает, что мы являемся видом, который «ориентируется на воображаемые альтернативы будущего»²⁷. Хотя Фрейд ставил во главу угла путешествия в прошлое, наш разум естественным образом нацелен на противоположное. Мы постоянно рассматриваем воображаемые перспективы, строим планы и мысленно очерчиваем контуры будущего, ближайшего и отдаленного. Как метко выразился психолог Дэниел Гилберт, мы «приматы, смотрящие вперед»²⁸.

Доказательства наличия у нас желудевого мышления более чем убедительны. Ни одно другое животное не планирует свое будущее так же осознанно, как люди. Белки закапывают орехи на зиму, но они делают это инстинктивно, когда световой день начинает убывать, а вовсе не потому, что составили план своего выживания. Исследования поведения животных показывают, что у некоторых видов, таких как крысы, отлично развита память, но при этом они могут думать лишь на полчаса вперед. Хотя шимпанзе и обрывают листья с веток, чтобы они легче проникали в термитник, нет никаких доказательств, что они заготавливают такие ветки для использования в будущем²⁹.

А вот человек стал бы делать именно это. Мы – феноменальные любители планировать. Мы планируем отпуск на следующий год, проектируем сады, которые будут выглядеть, как задумано, лишь через 10 лет, копили деньги на высшее образование детям, а кое-кто даже составляет саундтрек для собственных похорон. Все это – результат желудевого мышления. Именно способность видеть перспективу позволяет нам выживать и процветать. «Наша исключительная предусмотрительность создала цивилизацию и поддерживает общество, – утверждает Мартин Селигман. – Сила предвидения – вот что делает нас мудрыми. Взгляд в будущее, осознанный или неосознанный, является центральной функцией нашего головного мозга»³⁰.

Все начинается в раннем детстве. Примерно к пяти годам дети уже могут представлять будущее, предсказывать события и отличать их от прошлого и настоящего. Как раз в этом воз-

---

²⁷ Martin Seligman, Peter Railton, Roy Baumeister and Chandra Sripada, *Homo Prospectus* (Oxford University Press, 2016), p. ix.

²⁸ Daniel Gilbert, *Stumbling on Happiness* (Harper Perennial, 2007), p. 9; Seligman et al., p. xi.

²⁹ W. A. Roberts, 'Are Animals Stuck in Time?', *Psychological Bulletin*, Vol. 128, No. 3 (2002): pp. 481–486; Roland Ennos, 'Aping Our Ancestor', *Physics World* (May 2014).

³⁰ <https://www.nytimes.com/2017/05/19/opinion/sunday/why-the-future-is-always-on-your-mind.html>.

расте мои близнецы начали составлять небольшие списки подарков, которые они хотят получить в день рождения, и заблаговременно, за несколько месяцев, сообщать мне об этом. К тому времени, когда они достигнут подросткового возраста, у них развивается сложная способность к мысленным путешествиям во времени, которая позволяет видеть и планировать в долгосрочной перспективе, осознавать вековые горизонты истории и даже представлять себе собственную смерть³¹.

Сколько времени ежедневно мы тратим на размышления о будущем и планирование? Оказывается, гораздо больше, чем принято считать в традиционной психологии. Одно из исследований на эту тему, в ходе которого 500 жителей Чикаго опросили с помощью мобильного приложения, о чем они думают в течение дня (моменты для опроса выбирались случайным образом), показало, что около 14 % времени бодрствования людей занимали мысли о будущем и только 4 % – мысли о прошлом. (Остальное время их мысли были заняты либо настоящим, либо не были привязаны ко времени.) При этом три четверти времени, уделенного размышлениям о будущем, приходилось на составление планов³². Таким образом, мы думаем о будущем примерно в три раза больше, чем о прошлом, а из каждых семи часов наших размышлений один час посвящается тому, что еще не произошло.

Основная часть нейронной активности, связанной с мыслями о будущем, приходится на лобную долю мозга, которая располагается спереди, над глазами. Люди, у которых эта область повреждена, зачастую могут казаться совершенно нормальными, весело болтать о погоде за чашечкой чая и даже успешно проходить тестирование памяти. Но в делах, связанных с планированием, они бессильны и, например, не могут сказать, что будут делать вечером, или решить головоломку, требующую просчитывания ходов. Лобная доля, и особенно ее участок, называемый дорсолатеральной префронтальной корой, – это операционный центр желудевого мышления, машина времени, позволяющая нам рисовать в воображении ситуации, которые могут произойти через несколько недель или даже десятилетий, и планировать длительные процессы.

Любопытно, что лобная доля – это относительно новая область мозга, получившая развитие лишь в последние 2 млн лет. (Мозг появился у живых существ около 500 млн лет назад.) За этот период масса содержимого черепной коробки человека увеличилась более чем в два раза: с 0,6 кг у *Homo habilis* до почти 1,4 кг у *Homo sapiens*³³. При этом мозг увеличивался неравномерно: основная часть роста пришлась на его переднюю область, поэтому низкие покатые лбы наших далеких предков постепенно выдвигались вперед, пока не достигли почти вертикального положения, как сейчас. Именно эта часть мозга отвечает за перспективное планирование и другие исполнительные функции, такие как абстрактное мышление и решение проблем³⁴.

Несмотря на эволюционный прогресс нашей способности думать на перспективу, в основном мы сосредоточены лишь на самом ближайшем будущем. Чикагское исследование показало, что около 80 % мыслей о будущем касаются текущего дня или следующего за ним, 14 % охватывают год или несколько лет, и только 6 % имеют горизонт более 10 лет³⁵. Таким образом, хотя желудевое мышление, безусловно, является частью нашей функциональной нейроанатомии, доминирует все же краткосрочное зефирное мышление.

---

³¹ Thomas Princen, 'Long-Term Decision-Making: Biological and Psychological Evidence', *Global Environmental Politics*, Vol. 9, No. 3 (2009): p. 12; David Passig, 'Future Time-Span as a Cognitive Skill in Future Studies', *Futures Research Quarterly* (Winter 2004): pp. 31–32; Jane Busby Grant and Thomas Suddendorf, 'Recalling Yesterday and Predicting Tomorrow', *Cognitive Development*, Vol. 20 (2005).

³² Roy Baumeister et al., 'Everyday Thoughts in Time: Experience Sampling Studies of Mental Time Travel', *PsyArXiv* (2018), p. 22, p. 45.

³³ *Homo habilis* (лат.) – человек умелый; *Homo sapiens* (лат.) – человек разумный. – Прим. ред.

³⁴ Gilbert, pp. 10–15; Ricarda Schubotz, 'Long-Term Planning and Prediction: Visiting a Construction Site in the Human Brain', in W. Welsch et al. (eds), *Interdisciplinary Anthropology* (Springer-Verlag, 2011), p. 79.

³⁵ Baumeister et al., p. 20.

Эта ситуация чревата серьезными последствиями. По словам Дэниела Гилберта, одного из основоположников перспективной психологии, если бы инопланетяне захотели уничтожить наш вид, они не стали бы посылать на Землю армию зеленых человечков – это быстро активизировало бы наши отлаженные защитные механизмы. Гораздо эффективнее запустить что-то вроде глобального потепления, которое попросту ускользнет от нашего внимания, поскольку человеческий мозг на сегодня не слишком хорошо справляется с долгосрочными угрозами. Хотя мы неплохо умеем уворачиваться от бейсбольного мяча, летящего в голову, в борьбе с опасностью, которая проявится через несколько лет или десятилетий, мы куда менее искусны. Тем не менее сама способность мыслить в долгосрочной перспективе «является одним из самых потрясающих приобретений мозга», как утверждает Гилберт. Просто необходимо понимать, что эта опция находится на ранней стадии развития³⁶.

Как и любое млекопитающее, мы отлично распознаем реальные опасности в настоящем, но вдобавок к этому за последние пару миллионов лет обрели еще одну способность или, как минимум, находимся в процессе ее освоения. Наш мозг, в отличие от мозга других видов, научился оперировать будущим так, как если бы оно было настоящим. Мы можем предвидеть выход на пенсию или визит к стоматологу и, соответственно, уже сегодня делать пенсионные накопления или пользоваться зубной нитью, чтобы не пришлось лечить кариес через полгода. Но мы только учимся подобным вещам. Эта способность – новейшее приспособление в животном мире, и пока мы владем ею не так хорошо, как хотелось бы³⁷.

Дело вовсе не в том, что мы не в состоянии мыслить в долгосрочной перспективе, ведь это было бы поистине катастрофическим недостатком, который в принципе не позволил бы нам реагировать на экологические, социальные и технологические угрозы, маячащие на горизонте, будь то конфликт из-за водных ресурсов или риск кибератак на оборонную систему страны. Проблема заключается в том, что пока мы *делаем это недостаточно хорошо*. Впрочем, примеров прогресса немало – от представителей целого ряда коренных народов, которые принимают важные решения с расчетом на семь поколений, до инженеров, проектирующих мосты со сроком эксплуатации более века, и космологов, изучающих свойства и эволюцию Вселенной. Однако большинство из нас все еще напоминают цирковых собачек, пытающихся разучить сложный трюк.

Желудевое мышление человека обладает огромным потенциалом, и если мы надеемся стать хорошими предками, то должны научиться использовать его мощь. Само осознание того факта, что оно у нас есть, уже является первым шагом в этом направлении. Но возникает справедливый вопрос: а откуда у нас взялось желудевое мышление?

Когнитивный скачок к долгосрочному мышлению

За последние 2 млн лет наши предки совершили невероятное: они обрели мозг, который позволил разорвать оковы настоящего и превратиться в некотором роде в резидентов будущего. Эволюционные психологи и археологи предполагают, что способность думать и планировать в долгосрочной перспективе дала эволюционное преимущество, став тем самым механизмом, который компенсировал нашему виду недостаток в силе, скорости и ловкости³⁸. Этот

---

³⁶ <http://www.randomhouse.com/kvpa/gilbert/blog/200607.html>.

³⁷ <https://www.npr.org/templates/story/story.php?storyId=5530483>.

³⁸ Peter Railton, 'Introduction', in Martin Seligman, Peter Railton, Roy Baumeister and Chandra Sripada, *Homo Prospectus* (Oxford University Press, 2016), p. 4.

грандиозный когнитивный скачок оказался возможен благодаря четырем основным факторам: умению ориентироваться в пространстве, «эффекту бабушки», социальному взаимодействию и инновациям. Каждый из этих факторов представляет собой важный эпизод в медленно разворачивающемся сюжете человеческой эволюции.

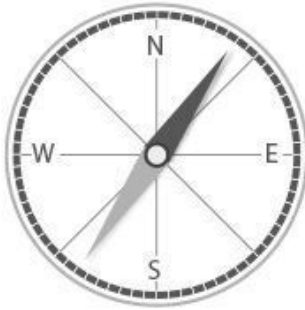
«Наша природа такова, что требует постоянного движения; полный покой означает смерть», – писал мыслитель XVII в. Блез Паскаль. Это весьма меткое наблюдение, ведь наши далекие предки с самых ранних времен непрерывно кочевали в поисках воды и еды, мест для охоты, мигрировали в зависимости от времен года и приспосабливались к меняющимся условиям. За тысячелетия они выработали навык выживания, известный как *ориентирование в пространстве*. Частью этого навыка было создание в уме когнитивных карт, которые помогали запоминать ключевые ориентиры, выбирать знакомые маршруты и благополучно возвращаться домой. Однако для ментальной картографии требовалось не только запоминание пространственных ориентиров, но и учет времени. Охотники экономили драгоценную энергию и зачастую сохраняли свою жизнь, планируя помимо маршрута еще и время, необходимое для перемещения. Как объясняет эколог Томас Принсен, именно в результате этого люди начали приобретать навык планирования: «Когнитивная способность представлять в уме ландшафт и время, необходимое, чтобы добраться до определенных мест, одновременно была географической (как расположены по отношению друг к другу ручей и лес) и темпоральной (сколько нужно дней и ночей, чтобы дойти до них)»³⁹.

---

³⁹ Princen, 'Long-Term Decision-Making', p. 13.

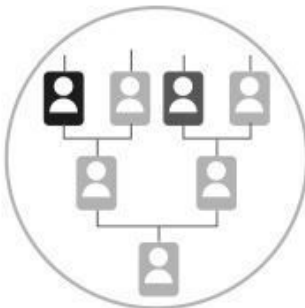
Как развивалось желудевое мышление

История длиной 2 млн лет

Ориентирование

Выживание человека зависело от способности планировать охоту и собирательство, а также от умения создавать когнитивные пространственно-временные карты

Эффект бабушки

Заботу о детях в значительной мере брали на себя бабушки, что расширяло временные горизонты новых поколений

Социальное взаимодействие

Сотрудничество, основанное на доверии, взаимности и эмпатии, создавало связи, которые сохранялись длительное время

Инновации

Технология изготовления каменных орудий совершенствовалась, требуя планирования сложных последовательных процессов и постановки целей

Графика: Найджел Хоутин

За последнее столетие антропологи обнаружили у коренных народов разнообразные системы навигации, такие как палочные карты с изображением опасных рифов и сложных приливных течений, которые жители Маршалловых островов еще не так давно использовали для плавания на каноэ по Тихому океану, или песенные линии, также называемые следами сновидений, благодаря которым аборигены Австралии передвигаются по обширным территориям, напевая названия последовательно возникающих ориентиров⁴⁰. Мы являемся наследниками традиций, подтверждающих нашу когнитивную способность планировать путешествия не только в пространстве, но и во времени благодаря особой темпоральной системе навигации.

Второй фактор, получивший название «эффект бабушки», связан с биологической особенностью нашего вида, а именно с длительным периодом зависимости ребенка от взрослых. Детеныши большинства млекопитающих начинают ходить уже через несколько часов после рождения, а в течение первого года созревают и могут размножаться. У людей все иначе. Первые несколько лет жизни мы довольно беспомощны и уязвимы, а относительно независимыми и половозрелыми становимся лишь к подростковому возрасту. При этом не только родители участвуют в воспитании детей, чтобы те в конечном счете тоже смогли передать гены потомкам. Исследования показывают, что присутствие бабушек и дедушек – особенно бабушек по материнской линии – заметно снижает показатели младенческой и детской смертности. Подобно тому, как наличие самок пострепродуктивного возраста в стаде оленей увеличивает шансы на выживание оленят, поскольку их опыт помогает найти пищу и воду в период ее нехватки, бабушки вида *Homo sapiens* обеспечивают заботу, передают знания и оказывают иные формы поддержки юному поколению⁴¹.

Похоже, то, что наши бабушки живут намного дольше своего репродуктивного возраста, является не чем иным, как результатом естественного отбора, ведь их присутствие во многом помогло нам выжить. Именно благодаря эффекту бабушки наши предки образовали родовые сообщества, включавшие несколько поколений, что, в свою очередь, породило этику заботы и ответственности, а также расширило временные горизонты примерно до пяти поколений: на два поколения назад и на столько же вперед⁴².

---

⁴⁰ <https://www.nytimes.com/2016/03/20/magazine/the-secrets-of-the-wave-pilots.html>; Sander van der Leeuw, David Lane and Dwight Read, 'The Long-Term Evolution of Social Organization', in David Lane et al. (eds), *Complexity Perspectives in Innovation and Social Change* (Springer, 2009), p. 96; Jerome Barkow, Leda Cosmides and John Tooby, *The Adapted Mind: Evolutionary Psychology and the Generation of Culture* (Oxford University Press, 1996), pp. 584–585.

⁴¹ Princen, 'Long-Term Decision-Making', pp. 14–15; Kristen Hawkes, 'The Grandmother Effect', *Nature*, Vol. 428, No. 128 (2004): pp. 128–129.

⁴² <http://longnow.org/seminars/02011/feb/09/live-longer-think-longer/>; Bateson, pp. 14–15.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.